

Е. Н. Ярмоц, кандидат юридических наук, доцент

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»,
б-р Космонавтов, 21, 224016 Брест, Республика Беларусь, yarmots84@bk.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛЕГИТИМНОСТИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обозначается проблематика исследования и научный задел, имеющийся по теме исследования. Обозначается важность феномена «легитимность» как в деятельности правоохранительных органов государства в целом, так и в судебной деятельности как ее части. Целью исследования является изучение теоретико-правовых основ легитимности судебной деятельности. Научная новизна работы заключается в детализации феномена «легитимность» применительно к судебной деятельности.

Описывается статус судебной власти в историко-правовой ретроспективе; обозначаются детерминанты, делигитимирующие судебную власть в советский период развития белорусской государственности; описывается процесс легитимации судебной власти в суверенной Беларуси; обозначается значимость легитимности судебной деятельности для обеспечения устойчивого социально-экономического и политического развития государства; обозначается принципиальная разница между двумя типами легитимности — институциональной и рациональной.

Делается вывод о том, что судебная власть, как одна из ветвей власти, и суд, как публичный орган государственной власти, должны обладать атрибутивным признаком легитимности.

Ключевые слова: ветвь власти; судебная власть; судебная деятельность; легитимность; институциональная легитимность; рациональная легитимность; доверие; правосудие; гражданское общество.

Библиогр.: 25 назв.

E. N. Yarmats, PhD in Law, Associate Professor

Educational Establishment “Brest State A. S. Pushkin University”,
21 Kosmonavtov blvd., 224016 Brest, the Republic of Belarus, yarmots84@bk.ru

THEORETICAL BASIS OF THE LEGITIMACY OF JUDICIAL ACTIVITY

The introduction outlines the research problem and the scientific background available on the research topic. The importance of the phenomenon of “legitimacy” is outlined both in the activities of law enforcement agencies of the state as a whole and in judicial activity as a part of it. The purpose of the research is to study the theoretical and legal foundations of the legitimacy of judicial activity. The scientific novelty of the work lies in the detailing of the phenomenon of legitimacy in relation to judicial activity.

The main part describes the status of the judiciary in historical and legal retrospect; identifies the determinants that delegitimize the judiciary in the Soviet period of the development of Belarusian statehood; describes the process of legitimization of the judiciary in sovereign Belarus; the significance of the legitimacy of judicial activity for ensuring sustainable socio-economic and political development of the state is indicated; the fundamental difference between the two types of legitimacy — institutional and rational legitimacy — is outlined.

It is concluded that the judiciary, as one of the branches of government, and the court as a public body of state power, must have the attributive feature of legitimacy.

Key words: branch of government; judicial power; judicial activity; legitimacy; institutional legitimacy; rational legitimacy; trust; justice; civil society.

Ref.: 25 titles.

Введение. Ввиду того, что судебная форма защиты в большинстве правовых систем мира признается высшей, наиболее эффективной и зачастую окончательной формой правовой защиты прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений, особого внимания заслуживает вопрос о легитимности правоохранительной системы государства в целом и судебной деятельности в частности. По мнению В. Н. Бибило, «судебная власть как высшая форма защиты прав и законных интересов граждан призвана обеспечивать установившийся в обществе легитимный порядок» [1, с. 39].

Еще в начале XX века Н. Н. Полянский отмечал необходимость обеспечения не только принципа законности в деятельности органов правосудия, но и важность их легитимации: «Граждане въ высшей степени заинтересованы въ томъ, чтобы деятельность органовъ уголовного правосудія была поставлена въ такія условія, которыми предупреждалась бы возможность злоупотребленій съ ихъ стороны ввѣренною им властью. Въ самомъ дѣлѣ, власть судебныхъ учреждений огромна; они распоряжаются свободою, честью, жизнью и имущественнымъ достояніемъ гражданъ... <...> Чрезвычайно важно, чтобы эта страшная власть была ввѣрена учреждениямъ, пользующимся довѣріемъ населенія, безпристрастнымъ и дѣйствующимъ въ строгомъ согласіи съ закономъ и съ требованіями справедливости» [2, с. 7].

Легитимность правоохранительных органов государства, в том числе суда, являлась самостоятельным предметом исследования таких ученых, как И. Е. Марочкин [3], А. В. Тищенко [4], Е. Г. Шурыгина [5] и др.

Материалы и методы исследования. Легитимность власти во многом обусловливается легитимностью ее политических институтов. По мнению П. Штомпки, доверие к государству и его институтам находится в публичном пространстве, а потому образует вертикальные связи, которые в отличие от горизонтальных, существуют между партнерами, находящимися на разных ступенях власти. Он выделяет следующие уровни формирования доверия к органам государственной власти: познавательный, основой которого выступает официальная информация о суде как об органе правосудия; психологический, в котором доверие опосредовано личным опытом; культурно-исторический, в котором доверие имеет генеалогическую основу, а коллективный исторический опыт аккумулируется в правилах поведения, поощряющих доверие к окружающим либо провоцирующих недоверчивое отношение к ним [6, с. 245]. На обусловленность доверия прошлым опытом взаимодействия, репутацией объекта и его социальным статусом указывает и Ю. Н. Копылова [7, с. 15].

Эффективно функционирующая судебная система представляет собой один из важнейших компонентов институциональной структуры государства, от которой зависит его эффективное социально-экономическое и политико-правовое развитие. Судебная система является частью системы национальной безопасности государства. В этой связи вопрос легитимности судебной деятельности представляет значительный исследовательский интерес. Суды защищают право собственности и обеспечивают исполнение обязательств. Неэффективно функционирующая судебная система может привести и к более серьезным и глобальным последствиям, таким как утрата легитимности политической системы и доверия граждан к правовой системе [8, с. 81]. И. Л. Ильин отмечает, что в случае, если «право не может развиваться далее по праву, а выросшее правосознание не может вернуться вспять», субъекты правоотношений имеют «моральное право» воспротивиться такой несправедливости [9, с. 68].

В случае несогласованности между действиями и решениями суда и ожиданиями населения относительно функционирования судебной власти создаются предпосылки для различного рода делегитимационных процессов, которые вызывают отчуждение людей от институтов судебной власти, непонимание ее значимости. Именно такая ситуация приводит к институционализации так называемой «теневого юстиции», т. е. нелегального, но достаточно эффективного способа разрешения социальных конфликтов. Примером такого «правосудия» является так называемый «Суд Линча» (англ. lynching, the Lynch law линчевание) — убийство человека, подозреваемого в преступлении или нарушении общественных обычаев, без суда и следствия, обычно толпой [10]. Это явление на протяжении достаточно длительного времени существовало в США и, хотя и осуждалось властями, осуществлялось без видимых препятствий с их стороны.

Однако такого рода явления с участием населения следует отделять от официальных институтов «народного правосудия», которые возникли и существовали в некоторых национально-правовых системах (СССР и союзные республики): народные суды СССР и БССР [11, с. 37]. Они стали закономерным результатом развития гражданского общества, повышения уровня

правовой культуры граждан, пытавшихся через созданные ими структуры осуществлять функции правосудия как на определенной территории, так и в масштабах всего государства. Сначала эти структуры возникли как инновационный институциональный элемент. В настоящее время в определенных государствах их уже можно рассматривать как одну из традиционных форм разрешения различных (в том числе правовых) конфликтов [12].

Результаты исследования и их обсуждение. В советский период развития белорусской государственности судебная власть не признавалась в качестве самостоятельной ветви государственной власти [11, с. 36]. Такое положение дел привело к отсутствию в текстах конституций СССР упоминаний о судебной власти. Согласно ст. 1 Конституции БССР 1919 года, «Белоруссия объявляется республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [13]. Согласно ст. 2 Конституции БССР 1927 года, «вся власть в пределах Белорусской Социалистической Советской Республики принадлежит советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» [14]. Лишь в последующих конституциях БССР 1937 и 1978 годов появились разделы, касающиеся организации суда (гл. VII «Суд и прокуратура» и раздел VIII «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор» соответственно). В структурном отношении данные главы следовали после разделов, регламентирующих деятельность органов законодательной, исполнительной власти, местных органов государственной власти и разделов о государственном бюджете БССР. Лишь в Конституции Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 1996 и 2004 годов) впервые содержалось указание на то, что судебная власть в Республике Беларусь принадлежит судам. Кроме того, нормы об организации и деятельности судебной системы были выделены в отдельную главу 6 «Суд».

Важным этапом легитимации судебной власти в начале 90-х годов XX века стало принятие Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь, в разделе I которой были отражены индикаторы, делигитимирующие судебную власть в советский период развития белорусской государственности: отсутствие реального разделения властей, зависимость органов юстиции от командно-административного аппарата власти, слияние уголовно-процессуальных функций в процессе осуществления судопроизводства, отток кадров из судебной системы, нехватка народных заседателей и т. п. В качестве вывода отмечалась необходимость реформирования судебной системы и правоохранительной системы государства в целом: «сложившаяся система органов юстиции не отвечает современным требованиям и нуждается в реформировании» [15].

Таким образом, вопрос о легитимности судебной власти в суверенной Республике Беларусь не утратил своей значимости, что подтверждается словами П. П. Миклашевича: «...только легитимная и авторитетная государственная власть способна обеспечить конституционный баланс социально-политических интересов, конструктивное взаимодействие государства и общества, реальное действие политических и правовых механизмов, в конечном итоге, — претворять в жизнь конституционную модель организации отношений личности и государства» [16].

В ходе заседания Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (27 марта 2025 года) были проанализованы и оценены результаты выполнения судами постановления Президиума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 января 2024 года № 1 «О повышении качества работы системы судов общей юрисдикции». В. Л. Калинкович подчеркнул необходимость укрепления доверия к правосудию посредством оптимизации управленческих процессов и дебюрократизации судебной деятельности [17, с. 3]. К слову, принятие мер по дебюрократизации государственного аппарата неоднократно отмечалось в качестве приоритетного направления при осуществлении государственного управления на всех уровнях. Особое внимание при этом должно уделяться обеспечению эффективного взаимодействия государственных

органов с гражданами и гражданским обществом в целом: «В работе государственных органов и государственных организаций превалирует такой принцип взаимодействия с населением, как принцип приоритета учета законных интересов граждан и юридических лиц» [18].

Высшей институциональной гарантией легитимности судебной деятельности в Республике Беларусь является конституционная норма, запрещающая образование и деятельность на территории Республики Беларусь чрезвычайных судов (ч. 4 ст. 109 Конституции Республики Беларусь). К слову сказать, в конституциях большинства европейских государств установлен запрет на образование и деятельность чрезвычайных судов: Конституция Германии (ст. 101 (1)) — чрезвычайные суды не допускаются; Конституция Бельгии (ст. 146) — ни под каким названием не могут создаваться чрезвычайные комиссии или суды; Конституция Ирландии (ст. 30) — чрезвычайные суды не допускаются; Конституция Финляндии (§ 98) — чрезвычайные суды не могут образовываться; Конституция Эстонии (ст. 48) — создание чрезвычайных судов запрещено; Конституция Испании (п. 6 ст. 117) — запрещается деятельность чрезвычайных трибуналов; Конституция Италии (ст. 102) — не могут учреждаться должности чрезвычайных или специальных судей; Конституция Болгарии (п. 3 ст. 119) — чрезвычайные суды не допускаются. Конституция Польши (ст. 175) содержит формулировку следующего содержания: исключительный суд или ускоренная процедура могут устанавливаться только на время войны.

Вследствие особого статуса судебной власти в системе разделения властей, а также исключительного положения суда в системе правоохранительных органов государства [1, с. 8] можно выделить некоторые особенности легитимности судебной деятельности.

Для судебной власти категория «легитимность» имеет определяющее ее статус значение, поскольку судебная власть, в отличие, например, от исполнительной власти, не имеет собственного аппарата и средств принуждения: «Судам необходима “диффузная” или институциональная поддержка, которая приравнивается к институциональной легитимности судов, а также называется “резервуаром доброй воли” от имени их избирателей или “символической легитимностью”» [19, с. 804]. Судебная власть действует «под эгидой своей легитимности, продукта сущности и восприятия, который проявляется в признании народом судебной власти... <...> Когда общественное восприятие ухудшается, под угрозой оказывается само верховенство закона, подрываются основы государственной и частной власти» [20, с. 1813].

Легитимность судебной власти, таким образом, во многом основана на авторитете суда как органа государственной власти. Источники легитимности могут иметь различную социально-правовую природу. Л. Фуентес-Рохвер, к примеру, выделил так называемую судебную легитимность — «диффузную поддержку» (*diffuse supporte*) [21, с. 509]. В данном случае судебная легитимность воспринимается как институциональная лояльность, при которой общественность принимает и поддерживает суд в качестве арбитра (посредника) вне зависимости от конкретных результатов его деятельности. Основу данного подхода образует мифическое восприятие суда как символа справедливости и свободы или то, что У. Мерфи назвал «культом мантии» (*the cult of the robe*) — «концепция судьи как верховного жреца правосудия, обладающего особыми талантами в разъяснении закона, этого священного и таинственного текста, недоступного пониманию обычных граждан» [22].

Такое представление о статусе судьи формирует своего рода институциональную харизму, которая дается судьям с момента принесения ими присяги. Данный тип легитимности представляет собой своеобразное сочетание традиционного и харизматического типа легитимности (по М. Веберу). Стоит отметить, что общественность остается лояльной к суду и его решениям до тех пор, пока символы судебной власти охраняются, суд воспринимается как уникальный социокультурный артефакт. Судебная легитимность оказывается под угрозой, если общество начинает воспринимать суд как просто еще один политический институт [21, с. 509].

По мнению И. Е. Марочкина, легитимность судебной власти, помимо соответствия законодательству, включает в себя «процессуально не определенное отношение общества к судебной власти и ее решениям» [3, с. 571]. Автор апеллирует в данном случае к нерациональным типам легитимности. Увеличение количества обращений граждан в суды, по его мнению, может свидетельствовать о возрастании доверия населения к судебной власти.

Рациональный тип легитимности можно представить, согласно Л. Фуентесу-Рохверу, как «легитимность содержания» (*content legitimacy*), в которой источником авторитета суда выступает реальная, осознанная общественная поддержка. По словам П. Бурдые, власть в современном обществе «не может не опираться на символические формы легитимации своего господства» [23, с. 95]. В современном гражданском обществе и правовом государстве законодатель должен соотносить правовые нормы и институты с общественным мнением и общественными ожиданиями. Право существует не ради самого себя, а для нормального функционирования общества и государства. Норма права будет распространенным, многократно используемым и положительно оцениваемым образцом поведения только в том случае, если она будет легитимна — признана как актуальными, так и потенциальными акторами [24, с. 37]. Примером рациональной судебной легитимности в советское время можно называть институт выборности народных судей. Судья, набравший большинство голосов в ходе избирательной кампании, избирался на соответствующую должность.

Таким образом, можно допустить, что легитимность судебной деятельности в условиях развития современного общества не является безусловной категорией: она обладает преимущественно «накопительным» эффектом. Ввиду того, что судебная деятельность по осуществлению правосудия является разновидностью правоприменительной деятельности, ее легитимность формируется не гипотетическим путем либо в силу сложившейся традиции, а представляет собой постепенный процесс, отражающийся в общественном сознании. Легитимность судебной деятельности связана с доверием каждого конкретного индивида в процессе взаимодействия как с судебной системой государства в целом, так и с деятельностью конкретного судебного учреждения и его персоналом. По словам В. Л. Калинковича, «кадры определяют способность обеспечить эффективную судебную защиту прав и законных интересов граждан, а также кредит доверия населения страны к институтам судебной власти, а значит и государственной власти в целом» [25].

Заключение. Современный уровень развития правового сознания, правового государства и гражданского общества характеризуется закономерным движением в направлении легитимации как существующих, так и потенциально формирующихся, новых политико-правовых институтов государственной власти в современных условиях развития белорусской государственности. Судебная власть, являясь одной из ветвей государственной власти, равно как осуществляемая ею деятельность, должна обладать признаком легитимности. Более того, легитимность необходимо позиционировать в качестве атрибутивного признака судебной власти и осуществляемой ею деятельности. Легитимность судебной деятельности взаимосвязана с институциональной легитимностью государственных органов и обусловлена множеством факторов как политико-правового, так и социально-экономического характера, что позволяет ей претендовать на роль обязательного элемента в процессе построения и обеспечения системы национальной безопасности Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Бибило, В. Н. Белорусское судоустройство / В. Н. Бибило. — Мн. : Право и экономика, 2018. — 452 с.
2. Полянский, Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность : лекции / Н. Н. Полянский. — М. : Т-во И. Д. Сытина, 1911. — 203 с.
3. Марочкин, И. Е. Легитимность судебной власти / И. Е. Марочкин // Ежегодник украинского права. — 2013. — № 5. — С. 571—578.

4. Тищенко, А. В. Доверие к полиции: значение, факторы, перспективы формирования : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Тищенко Александр Викторович ; ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет». — Ставрополь, 2022. — 28 с.
5. Шурыгина, Е. Г. Изменение социокультурного статуса института суда в современном российском обществе: коммуникативные компоненты легитимации : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Шурыгина Елена Геннадьевна ; Юж. федер. ун-т. — Ростов н/Д., 2009. — 27 с.
6. Штомпка, П. Доверие — основа общества / П. Штомпка ; пер. с пол. Н. В. Морозовой. — М. : Логос, 2012. — 440 с.
7. Копылова, Ю. Н. Доверие населения как фактор повышения социального статуса органов государственной власти : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 19.00.05 / Копылова Юлия Николаевна ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2003. — 25 с.
8. Banasik, P. Determinants of Judges' Career Choices and Productivity: a Polish Case Study / P. Banasik, K. Metelska-Szaniawska // European Journal of Law and Economics. — 2022. — Vol. 53, no. 11. — P. 81—107.
9. Ильин, И. Л. О сущности правосознания / подгот. текста и вступит. ст. И. Н. Смирнова. — М. : Парогъ, 1993. — 235 с.
10. Суд Линча // Википедия. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Суд_Линча (дата обращения: 14.07.2025).
11. Бибило, В. Н. Основные этапы формирования и развития советской судебной системы в Беларуси / В. Н. Бибило // Судовы веснік. — 2023. — № 2. — С. 36—42.
12. Фридмэн, Л. Введение в американское право / Л. Фридмэн ; под ред. М. Калантарова ; пер. Г. Седун. — М. : Прогресс-Универс, 1993. — С. 22—24.
13. Конституция 1919 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1919-goda/> (дата обращения: 09.06.2025).
14. Конституция 1927 года // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1927-goda/index.php#1927> (дата обращения: 09.06.2025).
15. О концепции судебно-правовой реформы : постановление Верх. Совета Респ. Беларусь от 23 апр. 1992 г. № 1611-XII // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 06.06.2025).
16. Миклашевич, П. П. Государственная власть: конституционно-правовое регулирование / П. П. Миклашевич // Роль конституционных судов в преодолении конституционных конфликтов : XXII Ерев. междунар. конф., 19—21 окт. 2017 г., Ереван. — URL: <http://www.kc.gov.by/document-47603> (дата обращения: 09.12.2024).
17. Пленум Верховного Суда рассмотрел актуальные вопросы // Судовы веснік. — 2025. — № 2. — С. 3.
18. Об изменении Директивы Президента Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь от 13 июня 2023 г. № 172 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 02.06.2025).
19. Adamany, D. Legitimacy, Realigning Elections, and the Supreme Court / D. Adamany // Wisconsin Law Review. — 1973. — Vol. 3. — P. 790—846.
20. Nunn, G. Alexander. Introduction: Perceived Legitimacy and the State Judiciary / G. Alexander, Nunn // Vanderbilt Law Review. — 2017. — Vol. 70, no. 11. — P. 1813—1817.
21. Fuentes-Rohwer, L. Taking Judicial Legitimacy Seriously / L. Fuentes-Rohwer. — URL: https://www.repository.law.indiana.edu/facpub/2748?utm_source=www.repository.law.indiana.edu%2Ffacpub%2F2748&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages (date of access: 22.05.2025).
22. Murphy, W. Elements of Judicial Strategy / W. Murphy. — Chicago : The University of Chicago Press, 1964. — 262 p.
23. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые ; пер. с фр., общ. ред. Н. А. Шматко. — СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005. — 288 с.
24. Честнов, И. Л. Легитимность как признак права / И. Л. Честнов // Московский юридический журнал. — 2018. — № 3. — С. 32—38.
25. Пленум Верховного Суда Республики Беларусь рассмотрел ряд вопросов, касающихся организации деятельности судов / Верховный Суд Республики Беларусь. — URL: https://court.gov.by/ru/justice/press_office/2814aa0eb86a4e37.html (дата обращения: 11.07.2025).

Поступила в редакцию 18.05.2026.